

пастёновых в народной медицине» и Л. И. Минько (Минск) «Средства лечения ревматизма у белорусов».

Два сообщения были посвящены лекарственным растениям, применяемым в индо-тибетской медицине: С. М. Батаровой и М. Д. Дашиева (Улан-Удэ) «Описание растений в трактате «Дзэйцхар-Мигчжан» и Т. А. Асеевой и Ж. Ц. Цыбенова (Улан-Удэ) «Некоторые вопросы изучения лекарственных растений тибетской медицины».

Лекарственным растениям Средней Азии было посвящено сообщение Р. Сабирова и Х. Халматова (Ташкент) «О лекарственных растениях, описанных в рукописях ученых Хорезма».

На заключительном пленарном заседании был заслушан доклад американского этнолога С. Бенет «Изучение народной медицины в США». С. Бенет особо подчеркнула роль психотерапии в народной медицине при лечении различных болезней, указав, что психический фактор чрезвычайно важен для выздоровления человека.

На этом заседании были заслушаны также доклады Э. Г. Базарона «К методике изучения индо-тибетской медицины» и В. С. Соколова и И. Ф. Сациперовой (Ленинград) «Лекарственные растения народной медицины — на службу научной медицины».

С отчетами о работе секций выступили их руководители: И. И. Гохман, А. М. Решетов, И. Б. Курчишвили, Е. И. Николаев.

Ю. В. Бромлей в заключительном слове подвел итоги конференции; они нашли отражение в резолюции, принятой участниками конференции.

В резолюции отмечалась своевременность созыва конференции, которая показала необходимость объединения усилий специалистов различного профиля в целях всестороннего изучения народной медицины.

Конференция еще раз показала, что в «народной медицине» есть как рациональное, так и иррациональное». Поэтому недопустима односторонняя оценка народной медицины — как ее идеализация, так и негативное отношение к ней. Вместе с тем при изучении народной медицины важно учитывать социально-исторические условия ее функционирования. Особое значение имеет сравнительно-историческое изучение народной медицины. Такой подход дает, с одной стороны, возможность глубже понять традиционно-бытовую культуру народов мира, с другой — предоставляет богатый материал для практического использования многовекового народного опыта в фармакологии, фармакогнозии и научной медицине.

В принятой на конференции резолюции было указано, что, поскольку народная медицина в условиях научно-технической революции быстро исчезает из повседневной жизни, ее комплексное изучение особенно актуально. Между тем в настоящее время исследования ведутся еще разобщенно, отсутствует единая программа и методика сбора материала. Поэтому в дальнейшем необходим тесный контакт этнографов с представителями медицинских и биологических дисциплин; особенно важна совместная разработка программ и методик полевых экспедиционных исследований, а также организация совместных экспедиций.

В решении также говорилось о целесообразности проведения конференций по народной медицине не реже одного раза в 3—4 года и высказывалось пожелание в период между конференциями проводить симпозиумы по отдельным проблемам.

А. П. Пестряков

ДИСКУССИЯ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР О РОЛИ ОБЩИНЫ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В Институте востоковедения АН СССР (ИВ АН СССР) в Отделе общих проблем современного развития стран Азии и Северной Африки с октября 1974 г. постоянно работает теоретический семинар «Социологические чтения». Его цель — творческое обсуждение актуальных теоретико-методологических и общесоциологических проблем современного национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. В работе семинара принимают участие ученые из ряда других обществоведческих научных учреждений АН СССР.

25 апреля 1975 г. состоялось очередное заседание семинара, на котором с докладом «Традиционные элементы в современной социальной структуре развивающихся стран (на примере Африки южнее Сахары)» выступил немецкий африканист Клаус Эрнст (ГДР). Доклад вызвал оживленную дискуссию. В работе семинара приняла участие

научные сотрудники Института востоковедения, Института Африки, Института философии, Института мировой экономики и международных отношений и других институтов АН СССР.

К. Эрнст в своем докладе прежде всего отметил теоретическое и общественно-политическое значение изучения традиционных элементов в современной экономической жизни и социальной организации развивающихся стран. Затем докладчик кратко информировал участников семинара о состоянии исследований по этой проблематике в ГДР и о дискуссии, состоявшейся летом 1973 г. в Берлине.

По мнению докладчика, исследование традиционных структур охватывает комплекс проблем, среди которых он выделяет четыре: 1) социально-экономическое содержание традиционного общества в доколониальный период; 2) деформацию традиционных структур под воздействием колониальной эксплуатации и становление нового способа производства в рамках своеобразного объединения «метрополия — колония»; 3) влияние и участие традиционных отношений в формировании современных классов и слоев; 4) перспективы традиционных институтов в странах некапиталистического развития.

Давая оценку традиционным структурам Африки как политекономической категории, К. Эрнст отметил, что среди немецких ученых нет единого мнения о характере социально-экономических отношений в доколониальной Африке. Некоторые исследователи считают, что в Африке южнее Сахары наблюдалось развитие азиатского способа производства, другие — феодального. По мнению самого автора, в доколониальной Африке утверждалась «ранняя ступень развития варианта способа производства, названного К. Марксом „азиатским“». Этот способ производства — первая из трех последовательных стадий докапиталистической классовой формации.

Экономической и социальной ячейкой доколониальной (докапиталистической) «традиционной» Африки южнее Сахары была община с коллективной собственностью на землю, коллективным производством и распределением продуктов среди общинников, с четким естественным разделением труда между мужчинами и женщинами и возрастными группами. Но в отличие от древних азиатских стран, где существовали верховная государственная собственность и восточный бюрократический деспотизм, в древнем африканском обществе преобладали общинная собственность и первобытная демократия.

Остановившись затем на проблеме разложения старого традиционного способа производства под воздействием колониализма, К. Эрнст отметил, что нередко исследователи отождествляют разрушение старого способа производства со степенью «вовлеченности» африканских стран в систему мирового хозяйства. Но, по мнению докладчика, не следует подобную «вовлеченность» понимать слишком прямолинейно — считать страны Африки либо «традиционными», либо уже «капиталистическими». С одной стороны, генезис капитализма в африканских странах вызывается действием экономических и внеэкономических факторов колониальной зависимости; но с другой стороны, закономерности, сопутствующие колониализму (присвоение значительной части национального продукта иностранными монополиями, разобщенность общественно-производственного организма — экспортный сектор производства и докапиталистические формы хозяйства, неравноправное международное разделение труда между метрополией и колонией и т. д.), неизбежно тормозят развитие производительных сил и «революционизацию производственных отношений». Взаимодействие таких противоречивых тенденций не только замедляет, консервирует социально-экономическое развитие в рамках традиционных структур, но и определяет возникновение своеобразных деформированных их форм. Старый способ производства не исчезает, а лишь обедняется, истощается, приспосабливается и воспроизводится в уродливом виде; что касается нового, зарождающегося способа производства, то он действует как нечеткий и неорганический элемент симбиотической экономической системы.

Следовательно, традиционные структуры не представляют собой лишь доколониальные пережитки, не существуют в «чистом» виде, а являются прежде всего «деформированным организмом» колониальной эксплуатации, само же постоянное воспроизводство их в искаженной форме — одно из основных и существенных условий для колониальной, а в дальнейшем неоколониальной эксплуатации.

Переходя к характеристике влияния традиционных социальных отношений на процесс формирования современных классов и слоев, К. Эрнст подчеркнул, что на сегодняшний день нельзя свести возможности традиционных структур к укладу, все еще господствующему в деревне. Эти отношения воспроизводятся в современных отраслях хозяйства и пронизывают многие стороны городской жизни. Участие традиционных отношений в процессе классобразования противоречиво.

Традиционные институты в условиях капиталистической эволюции могут быть использованы складывающимися протобуржуазными слоями как орудие бесплатного присвоения чужой рабочей силы. Нередко труд общинников, членов большой семьи в интересах вождей и глав семей способствует концентрации богатства и власти в руках деревенской верхушки. Такие явления, как коррупция и nepotизм, свойственные бюрократической буржуазии, свидетельствуют о живучести традиционных установок и ориентаций.

Но нередко выживание и существование огромных масс пауперизированного населения в городах также связано с сохранением традиционных представлений о взаимопомощи в рамках различных общностей — большой семьи, общины, клана, племени. В современных условиях проявление традиционных коллективистских отношений порой толь-

ко затушевывает, маскирует классовые противоречия, нивелирует социальные процессы. Поэтому процесс классообразования весьма осложняется и сопровождается разделением общества на этнические, территориальные, религиозные объединения, сельские общины, кланы, касты, большие семьи, возрастные группы и т. д. Это соответственно влияет на социальное поведение, психологию индивидуума. Поведение человека скорее диктуется принадлежностью к этим традиционным общностям, их ценностями и нормами, нежели объективно-материальными (классовыми) интересами.

В связи с этим остро встает вопрос о дальнейших перспективах традиционных институтов в странах социалистической ориентации. По мнению докладчика, преодоление традиционных отношений необходимо. Надежды на то, что традиционные структуры могли бы облегчить путь к социализму, вдвойне являются иллюзией. Во-первых, во всех регионах Африки, независимо от степени их включенности в мировое хозяйство, речь идет не о «чистых» традиционных структурах, а о продукте и даже в определенной мере о «функциональном элементе» системы колониальной и неоколониалистической эксплуатации. Во-вторых, традиционные структуры, даже в нетронutom, первозданном состоянии по сути дела не могут воспроизвести ничего другого, кроме как самих себя. А такие негативные стороны традиционных отношений, как социальный паразитизм общинной верхушки, жесткая регламентация роли и места каждого общинника в хозяйственной и общественной структуре, пресекают личную инициативу отдельного индивидуума, консервируют остальные производственные и общественные отношения, т. е. закрывают перспективу расширенного воспроизводства, что на современном этапе лишь увеличивает разрыв в уровнях экономического, политического, социального и культурного развития между странами Африки и промышленно развитым миром. Поэтому преодоление традиционных отношений является составной частью общего процесса независимого политического и экономического развития и его не следует рассматривать как изолированный процесс, а лишь в тесной взаимосвязи с развитием всего общества.

А. В. Кива (журнал «Азия и Африка сегодня») в своем выступлении подчеркнул, что община в целом обречена на неминуемую гибель, вырождение, ее распад после достижения африканскими странами независимости ускорился в государствах как капиталистической, так и социалистической ориентации.

Проблема трансформации общины, в частности создания на ее базе производственных кооперативов (на что возлагались большие надежды в ряде африканских стран социалистической ориентации, например в Гвинее), пока нигде не решена, да и вряд ли может быть решена. Дело в том, что община как архаичный социально-экономический институт прошлого содержит в себе позитивные и негативные черты в их неразрывной связи. Часто говорят о таких положительных особенностях общины, как коллективное владение землей, обычаи взаимопомощи, взаимовыручки, коллективизма, дух солидарности общинников и т. д. Но при этом забывают, что с этими положительными особенностями связаны, тесно переплетены такие негативные черты, как незаинтересованность общинника в повышении производительности труда (ибо прибавочный продукт обычно присваивался общинной верхушкой), nepoтизм, тpaйбализм (питательной средой которого всегда являлась родо-племенная община) и т. д.

Конечно, сохранение общины, низкий уровень развития капиталистических отношений в африканской деревне в целом, с одной стороны, облегчает ее трансформацию на некапиталистическом пути развития, ибо меньше противников социалистического выбора. Но в то же время общинник привержен традиционным структурам и не имеет тех стимулов борьбы за переустройство аграрных отношений, которые имеет малоземельный и безземельный крестьянин.

Действительность показала, что большесемейная община («большая семья») на практике оказалась нежизнеспособной, когда на ее базе пытались создать производственные кооперативы. К тому же общинная верхушка стремится захватить руководство в таких кооперативах и насадить там традиционные социальные отношения, которые губительны для любого современного хозяйства, тем более для кооператива, построенного на некапиталистических началах. Есть еще один аспект проблемы. Известный французский исследователь Ж. Сюрэ-Каналь, анализируя развитие сельского хозяйства Тропической Африки, пришел к выводу, что общинная собственность на землю не только не препятствует, но в ряде случаев способствует возникновению сельской буржуазии, или, как он ее называет, «тракторной» буржуазии.

В советской литературе нередко проводят аналогию между аграрными преобразованиями в бывших отсталых районах Советского Союза, с одной стороны, и в современных странах некапиталистического развития — с другой. Такое сравнение представляется не совсем правомерным, так как развитие отсталых районов нашей страны осуществлялось в условиях диктатуры пролетариата и было составной частью социалистической революции в СССР.

Между тем в странах социалистической ориентации (а именно только в них предпринимались серьезные попытки преобразовать общину, очистив ее от «наносов колониальных времен» и создав на ее базе высший тип кооперации), к сожалению, как правило, не вывели еще материально-технические возможности, нет достаточного числа специалистов для того, чтобы государство могло взять на себя огромные расходы, связанные с массовой кооперацией в деревне. Да это к тому же требует и большой культурно-воспитательной работы среди населения. С учетом всего этого, думается, и африканскую общину ждет судьба русского мира или германской марки. Хотя, безусловно, в

странах социалистической ориентации процесс распада общины может в определенной степени регулироваться и направляться сверху, протекать по возможности наиболее безболезненно.

Ю. М. Кобищанов (Ин-т Африки АН СССР), коснувшись прошедших оживленных дискуссий об азиатском способе производства, заявил, что он не является сторонником теории азиатского способа производства, а поддерживает теорию «большой феодальной формации». Накопленный советскими учеными большой фактический материал о традиционных, доколониальных африканских обществах дает возможность утверждать, что они находились на ранних ступенях перехода от первобытной общественной формации к феодальной (в зависимости от района действия двух типов периферий) и лишь наиболее передовые из них вступили в стадию развитого феодализма. Разным африканским обществам соответствовал неодинаковый тип общины — родовая, территориальная, различные переходные типы. Ю. М. Кобищанов отметил также, что по существу африканская община в основном гетерогенная и кастовая, и в связи с этим привел конкретные данные о структуре общины у различных африканских народов. Далее докладчик сказал, что элементы социальности древних африканских обществ достались колониальной и постколониальной Африке и дополнились кастовостью колониального типа. Традиции доколониальной Африки, постоянно деградируя, отчасти сохраняются в современных традиционных обществах этого континента, в которые, однако, входят как важная, но подчиненная составная часть и проявляются в таких неотрадиционалистических явлениях, как nepoтизм, кумовство, землячество, различного рода ассоциации, «лжекооперативы», союзы и т. д.

Л. Д. Яблочков (Ин-т Африки АН СССР) в ходе дискуссии высказал пожелание о более осторожном использовании терминов, считая, что следует оговаривать, какой смысл вкладывается в то или иное понятие. Тема доклада — традиционные структуры, но К. Эрнст совершенно прав, говоря, характеризуя традиционные формы отношений, каждый раз подчеркивает, что речь идет не о «чистых самобытных структурах», а деформированных иностранным капитализмом формах доколониальных общественных отношений. В настоящее время в Тропической Африке редкая община абсолютно изолирована от товарно-денежных отношений, редкая семья вовсе не участвует в товарном обмене.

До получения независимости в африканских странах функционировало слабо интегрированное, не монолитное, но все же единое общество, которое справедливо называют колониальным. Так, Д. А. Ольдерогге пишет: «Почти столетнее порабощение народов (Африка) создало особый тип социального развития, который следует называть колониальным обществом»¹. Современное освободившееся общество Тропической Африки — это сложное сословно-классовое общество без господствующего типа отношений, а приспособленные к колониальному режиму общины проявляют и в нем паразитную устойчивость, объединяя большинство населения. Но общинный уклад все же не является ведущим — он один из отмирающих укладов. Феодальные институты сложились далеко не у всех народов Африки, и они также лишены перспективы. В Африке ширится и укрепляется мелкотоварный уклад, но это еще не капитализм. Буржуазные устои, возникшие под воздействием колониализма, не стали общим базисом. Большую роль в политической жизни Африки играют промежуточные и переходные слои, связывающие своей деятельностью сосуществующие уклады — это городские средние слои, включающие прежде всего мелкую буржуазию и кинзвичество. Следует также учитывать, что на развитие освободившихся стран оказывает влияние не только одна из ведущих противоборствующих социально-экономических систем — империализм, но и социализм, воздействие которого больше всего ощущается в области надстройки.

Поэтому при характеристике классово-слоевой борьбы по проблеме выбора пути развития должны учитываться взгляды различных слоев общества на будущее их страны и их место в новой системе отношений. Только родовая знать и компрадоры могут быть заинтересованы в так называемом «зависимом» развитии, они-то и превозносят традиционные (по существу, колониально-общинные в Тропической Африке) институты и ценности. Это традиционалисты. С национально-реформистскими программами, а по сути дела буржуазными, выступают политические деятели из средних слоев. И только революционные демократы, представляющие интересы трудящихся, поддерживают радикальную деколонизацию всех сфер общественной жизни.

В. Г. Растьяников (ИВ АН СССР) отметил, что основные положения доклада К. Эрнста во многом сходятся с выводами советского исследователя В. В. Крылова, изложенными в его кандидатской диссертации. Прежде всего, самой высокой оценки заслуживает подход автора к анализу традиционных структур «третьего мира», в частности его центральный вывод о том, что эти структуры в их современном варианте представляют собой «деформированный продукт» и «функциональный элемент системы колониальной и неоколониальной эксплуатации». Только в рамках такого подхода к проблеме можно понять и объяснить как паразитную живучесть традиционных структур, так и то обстоятельство, что для самих развивающихся стран функционирование этих структур представляет собой «тушковую ветвь» общественно-экономического процесса.

¹ «Проблемы населения и хозяйства стран Африки», Л., 1973, стр. 4.

В связи с возникшей дискуссией о правомерности использования понятий «традиционные структуры», «традиционные отношения» применительно к странам «третьего мира» В. Г. Растянинов отметил, что эти понятия, содержащие термин «традиция», «традиционный», — неотъемлемая часть марксистского понятийного аппарата².

Заслуживает внимания вывод К. Эрнста о том, что некапиталистическое развитие в качестве своего важнейшего элемента включает в себя преодоление традиционных структур. Однако как раз эта, несомненно, наиболее сложная в теоретическом отношении часть доклада была освещена недостаточно. В теоретической разработке проблемы «взлома» (преодоления) традиционных структур, по-видимому, нужно учитывать влияние многих и «внешних», и «внутренних» факторов.

В частности, в нынешнюю эпоху резко усиливающегося и качественно изменяющегося мирового влияния на страны «третьего мира» все более мощное воздействие оказывает «демонстрационный эффект», порожденный прогрессом производительных сил в эпицентрах их развития — странах развитого социализма и странах развитого капитализма. Отсюда формирование новой системы потребностей, разрушающее «гармонию» традиционных отношений и соответственно вызывающее становление новой социальной психологии эксплуатируемого населения в рамках традиционных структур и стимулирующее развитие конфликтных ситуаций на принципиально новой основе — на основе экономических интересов общественных групп. Появление нового общественного сознания эксплуатируемого народа — это уже значительный сдвиг в преодолении традиционных структур. «Зеленая революция» непосредственно «распахивает щель» традиционных отношений, хотя этот процесс находится еще на начальной стадии и к тому же носит очаговый характер.

На базе медленного, «эндогенного», стихийного развития товарного производства (расслоение непосредственных производителей, становление капитала, переход его с доиндустриальной на индустриальную стадию и т. д.) невозможно решить те грандиозные проблемы, которые стоят перед развивающимися странами. И дело здесь не только в длительности сроков, но прежде всего в тех «внешних» условиях (включенность развивающихся стран в мировую капиталистическую систему в качестве подчиненного звена), которые активно препятствуют стихийному процессу размывания традиционных структур. Отсюда вытекает тенденция к резкому повышению роли и интенсивному становлению качественно новых функций государства в экономическом развитии. Качественно новые формы организации общественного труда (внеэкономические методы формирования накопления, государственная собственность, кооперация, жесткий контроль над «свободным» рынком и т. д.) становятся двигателем общественно-экономического прогресса, в частности фактором трансформации традиционных структур, хотя на современном этапе существующие во многих странах внеэкономические формы присвоения государством части продукта, создаваемого производителями в пределах традиционных структур ради ускорения развития более динамичных секторов экономики, могут сдерживать такую трансформацию. Кроме того, нужно иметь в виду возможность значительного притока в развивающиеся страны ресурсов из-за рубежа, часть которых через различные институты государства может превратиться в материальную основу преобразования традиционных форм производства.

В. И. Кирко (Ин-т Африки АН СССР) в своем выступлении говорил о том, что до недавнего времени изучение различных современных процессов в развивающихся странах, как правило, проводилось на гносеологическом уровне познания и лишь в последние годы советские ученые стали применять методы конкретного социологического исследования (опросы, анкетирование, социальный эксперимент и т. п.). Конкретно-социологические исследования, опирающиеся на факты, помогают определить первоочередность задач, выявить интересы и потребности различных слоев населения, готовность крестьян к тем или иным формам кооперирования; определить степень зависимости трудовых масс от традиционного образа мышления, живучесть и действительность традиционных представлений, религиозных верований и социальных взаимосвязей. В связи с этим В. И. Кирко рассказал о работе творческой группы по конкретным социологическим исследованиям Института Африки АН СССР, которая успешно проводила обследования среди студентов, прибывших из африканских стран.

Е. А. Биргауз (ИМЭМО АН СССР) отметила, что как в докладе К. Эрнста, так и в его очень интересной монографии, посвященной тем же проблемам³, предстает

² Эти понятия широко применял К. Маркс в «Капитале». Например: «традиционные придатки», присущие добружуазным формам собственности; «традиционные отношения земельной собственности»; «решающая роль» «традиции» при господстве такого «общественного производственного отношения», как отработочная рента. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 167; т. 23, стр. 734; т. 25, ч. II, стр. 356.

³ Е. А. Биргауз высказала пожелание, чтобы книга К. Эрнста «Традиция и прогресс в африканской деревне (социологические проблемы некапиталистического преобразования деревенской общины в Мали)». (K. E r n s t, Tradition und Fortschritt im afrikanischen Dorf (Soziologische Probleme der nichtkapitalistischen Umgestaltung der Dorfgemeinde in Mali, Berlin, 1973), содержащая интересный конкретный материал, была переведена на русский язык и издана в СССР.

сложнейшая реальность современной африканской общины. Но в отличие от «классической» европейской ситуации, считает Е. А. Биргауз, перед африканской общиной открывается качественно новая и несравненно более прогрессивная историческая альтернатива. Окончательному разрушению общины в странах социалистической ориентации противостоит процесс становления не частновладельческих отношений, а государственно-кооперативных, т. е. создания кооперативов, контролируемых государством, и постепенная замена частных закупочно-сбытовых организаций государственными. Именно в этом заключается новая историческая альтернатива социального развития африканской деревни, что безусловно должно учитывать революционной демократией при разработке адекватной стратегии и тактики перспективного развития своих стран.

Создание сельских кооперативов в то же время невозможно без перестройки традиционных социальных отношений, но это не должно полностью исключать возможности использования позитивных традиционных, общинно-коллективистских элементов для реализации грандиозных проектов дальнейшей модернизации африканского общества и «огосударствления» некоторых форм общественно-экономической жизни.

Очень важна, по мнению Ж. Д. Смиренской (ИВ АН СССР), поставленная докладчиком проблема влияния традиционных структур на процессы классового образования и особенностей общественного сознания трудовых слоев населения, включенного в эти структуры. В связи с этим представляется оправданной та осторожность, с которой К. Эрнст подходит к проблеме сохранения и использования некоторых институтов традиционной африканской общины в современную эпоху, ибо такое сохранение может повлечь за собой консервацию огромного комплекса архаических представлений и связей, что в свою очередь может способствовать определенному перерождению (в архаико-эксплуататорском либо буржуазно-эксплуататорском направлении) новых прогрессивных по замыслу институтов.

Ж. Д. Смиренская отметила, что социально-экономическое определение сущности доколониального африканского общества как одного из вариантов азиатского способа производства дано докладчиком несколько односторонне: подчеркнут лишь один важнейший элемент анализируемой системы — община как основная структурная единица общества. При такой характеристике остается как бы «вынесенным за скобки» общественный механизм другой не менее важный компонент — возвышающаяся над общинами централизованная система распределения и перераспределения произведенного в обществе продукта, оформляющаяся со временем в государственный аппарат архаического типа. Кстати, докладчик уделяет внимание этому компоненту, отмечая торговые функции управленческой верхушки архаичных общностей; но вопрос о роли и месте верхушки в духовной жизни этих обществ требует специальной разработки.

В своем выступлении Б. С. Ерасов (Ин-т философии АН СССР) сказал, что представления идеологов «национального социализма» (особенно африканского) о том, что традиционная община может стать основой нового, справедливого общества — всего лишь охранительная реакция на проникновение капиталистических отношений и желание избежать пагубных последствий такого проникновения. Однако в этой реакции еще нет предпосылок действительного сдвига в сторону социализма. Прежде всего сама по себе община не способствует расширению производства и ее возможности в этом отношении весьма ограничены. Как известно еще из указаний К. Маркса, подключение общины к развитому материальному производству потребовало бы значительных материальных затрат, которыми не располагают развивающиеся страны. Ресурсы, заключенные в самой общине, — это сам живой труд, и его кооперированное использование — насущная задача для стран социалистической ориентации. Однако традиционная структура, в которую заключен этот труд, препятствует его эффективному использованию. Поэтому вполне оправдан вывод о «взломе» привычного механизма солидарности и создания новых форм коллективизма. Содержание этого коллективизма должно радикально отличаться от прежних форм, хотя бы они имели черты формального сходства с традиционным коллективизмом.

Не следует идеализировать антикапиталистические и освободительные тенденции, порождаемые общинным укладом. Антикапитализм носит одновременно и «неэкономический» характер, выражая тенденцию к потреблению, а не к накоплению производимого продукта.

Социалистическое развитие означает создание новых форм трудовой ассоциации, но оно требует вместе с тем решительной перестройки и самих индивидов, и всех их жизненных установок. Оно требует мобилизации трудовых ресурсов ради преобразования всей структуры производительных сил.

Такая радикальная перестройка может быть осуществлена только подлинно революционной партией, осуществляющей на деле идеалы социализма.

В. Г. Хорос (ИВ АН СССР) обратил внимание на ряд интересных идей, содержащихся в докладе. Прежде всего на то, что колониализм и процесс «ущербной» модернизации при колониализме привели, во-первых, к своеобразной консервации традиционных структур; во-вторых, к уродливой их деформации, означающей оживление худших, консервативных потенций общинных структур, использование их коллективистских традиций местной верхушкой для эксплуатации своих соплеменников.

Пафос доклада — в подчеркивании необходимости в ходе национально-демократических и социалистических преобразований решительного преодоления традиционных

структур. Будучи в целом вполне правомерным, это положение, по мнению В. Г. Хороса, иногда у докладчика все же звучит слишком категорично.

Со времен К. Маркса и Ф. Энгельса в марксистской мысли существует постановка вопроса относительно возможности использования коллективистских традиций общины в целях ее социалистического переустройства. Разумеется, дело не в том, чтобы это переустройство совершалось без ликвидации негативных элементов традиционных отношений, так вопрос никогда не ставился и не ставится. Проблема заключается в другом: раз традиционные структуры «дожили» до эпохи социалистических преобразований и их по ряду причин невозможно да и нецелесообразно «ломать», то необходимо найти пути модернизации этих структур в некапиталистическом и социалистическом направлении.

Опыт показывает, что ломка традиционных структур (проводится ли она путем форсированного насаждения кооперативов современного типа или, тем более, в буржуазном духе, в плане стимулирования принципов индивидуализма и частной собственности) вызывает нежелательные последствия: острые социальные конфликты, хозяйственную дезорганизацию, социально-психологический разлад. Как свидетельствует практика социалистического преобразования деревни в условиях окраинных республик нашей страны, целесообразно использование традиционных форм (постепенно вливая в них новое содержание), чтобы облегчить крестьянству переход к новым отношениям. Но дело не только в тактической стороне. И по существу некоторые стороны или черты традиционного коллективизма (например, тот факт, что для члена общины стимулом к работе служит прежде всего общественное мнение его односельчан и т. п.) могут способствовать социалистическому переустройству деревни.

Конечно, община может воспроизводить только самое себя. Но ведь и единоличная крестьянская парцелла способна воспроизводить лишь буржуазные отношения. Вопрос в том, от чего «ближе» к некапиталистическим или социалистическим кооперативам, от какой отправной точки этот переход может быть совершен сравнительно более органично и безболезненно.

Подводя итоги дискуссии, проведенной на заседании теоретического семинара, В. Ф. Л и (ИВ АН СССР) отметил, что в последние годы в мировой науке наблюдается значительная «акселерация» интереса исследователей к проблемам традиционных структур и отношений. Но, как и в других сферах современного обществознания, здесь обнаруживаются диаметрально противоположные, социально-антагонистические методологические направления и ориентации. Так, пятистадийная концепция социально-экономического роста У. Ростоу игнорирует в сущности классовую природу экономического присвоения в традиционном обществе. С подобным методологическим подходом перекликается и теория «постиндустриального общества» Д. Белла.

Марксистская методология исследования традиционных структур и отношений базируется на последовательной диалектико-материалистической основе. Методологическая основа комплексного подхода к данной проблематике была сформулирована Марксом и Энгельсом в процессе острой полемики с утопическими воззрениями Сисмонди и других непролетарских и мелкобуржуазных теоретиков прошлого века, которые в той или иной форме ошибочно верили в возможность реставрации исторически отживших способов производства, в возможность их насильственного «симбиоза» с качественно новыми социально-экономическими отношениями капиталистической формации⁴.

Общетеоретические разработки последних лет открывают перед востоковедами и социологами весьма широкий спектр исследования роли традиционных факторов в связи с практикой современных национально-демократических преобразований в многоукладных странах Азии и Африки.

Прежде всего это относится к «анатомии» традиционного (докапиталистического) общества, в сложной, универсальной системе которого вполне вычлениются для абстрактно-логического и эмпирического исследования следующие основные структурные компоненты: во-первых, материальные факторы, связанные с воспроизводством в докапиталистическом хозяйстве; во-вторых, социально-политические, а именно — общинные, цеховые и т. п. общности и институты; в-третьих, идеологические, обусловленные главным образом религиозно-идеалистическим мировоззрением и мистификацией минувших эпох социальной истории; и наконец, в-четвертых, социально-психологические, фиксирующие передаваемые из поколения в поколение (иногда генетически) традиционные обычаи, нормы, склонности, привычки, оказывающие огромное воздействие на ускорение (или, напротив, замедление) процесса социальной революции в постколониальном обществе.

Любой структурный компонент традиционного общества может рассматриваться и как объект самостоятельного исследования, тем более, что их значимость в процессе национально-демократических преобразований весьма не равнозначна. Если идеологические, а до некоторой степени социально-политические факторы создают преграды на пути коренной социальной революции, то ряд материально-экономических и социально-психологических аспектов традиционализма может быть частично обновлен и использован в процессах социалистической ориентации. Пожалуй, здесь перед нами социально-исторический феномен, возможность возникновения которого Ф. Энгельс в своих письмах сформулировал как историческую необходимость «опереться на тысячелетнее

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 450.

стихийное стремление народа к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть⁵ в результате капиталистической эволюции и научно-технического переворота, размывания общинного землевладения и натурального хозяйства, неуклонной концентрации денежного богатства, усиления власти кулаков и мироедов-ростовщиков.

Стало быть, традиционные структуры постколониальных обществ не могут быть исследованы на основе каких-либо абстрактно-социологических, формализованных моделей, а лишь в границах той или иной социально-классовой системы, которая и определяет природу и содержание того или иного феномена традиционализма.

З. Н. Галич

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма о «Капитале», М., 1968, стр. 368, 529.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА, МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КAVKAZA, СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЧАСТИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

22 и 24 апреля 1975 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР были проведены три расширенных научных заседания группы Кавказа, Средней Азии и Казахстана. На них было прочитано 10 докладов, посвященных вопросам этнической истории и хозяйства, а также другим аспектам материальной и духовной культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. В основу большинства докладов положены полевые материалы, собранные авторами в разные годы. В работе заседаний принимали участие сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР и Государственного Эрмитажа.

С. М. Абрамзон выступил с докладом «О некоторых герминах родства в тюркских языках». Докладчик высказал мнение, что в памятниках древнетюркской письменности отразилась не описательная, а классификационная система родства. Ее черты сохранялись до последнего времени у многих современных тюркоязычных народов (об этом свидетельствуют труды Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова, К. Л. Задыхиной и др.). В связи с этим докладчик обратил внимание на то, что в трудах ряда тюркологов, анализирующих древнетюркские тексты, отмечается главным образом членение на «старшее» и «младшее» родство и мужскую линию родства. С. М. Абрамзон рассмотрел такие термины как «племяник» и «дядя», которые нередко трактуются независимо от того, относятся ли они к родству по отцовской или материнской линии, тогда как некоторые из них, бесспорно, имеют групповой характер и связаны родством по материнской линии. С. М. Абрамзон высказал предположение, что в древнетюркском обществе сохранились следы матрилокального брака.

В основу доклада Ф. Д. Люшкевич «Особенности свадебной обрядности таджикоязычного населения Бухарского оазиса» были положены собранные ею полевые материалы. Она убедительно показала, что несмотря на универсальность основного цикла свадебного обряда, в нем отчетливо выделяются локальные варианты, характеризующиеся главным образом деталями проведения различных этапов обряда. Они и являются одним из источников для установления этногенетических и историко-культурных связей. Наибольшие различия отмечены между обрядами сложившимися, с одной стороны, в Бухаре, а с другой — в Ромитанском, Вабкентском и Гиждуванском районах. Свообразие свадебного обряда у таджикского населения обследованных районов определяется главным образом различной степенью взаимоотношения ирано-тюркских элементов. Свидетельством ранних контактов ираноязычного и тюркоязычного населения на всей этой территории являются такие прочно вошедшие в свадебный ритуал тюркские элементы и термины, как, например, *чимильк* (свадебная занавеска), таджикско-персидские термины *арус* (невеста) и *аруси* (свадьба) заменены тюркскими — *келин* (невеста) и *туй* (празднество). Процесс проникновения тюркских элементов в обрядность местного таджикского населения шел более интенсивно в районных центрах Бухарского оазиса. Анализ обряда сватовства — *румолберды* (тюркск. «раздача платков») указывает на его общегенетические корни с обрядами некоторых тюркских групп и на различную степень смешения с местным древним обрядом — *ноншиканон* (преломление хлеба), сохранившимся в г. Бухаре.

В докладе Л. А. Фирштейн «Обряды и поверья, связанные с получением приплода скота и молочным хозяйством у киргизов» приводились материалы, собранные в процессе полевой работы в котловине оз. Иссык-Куль, в долине р. Таласа и в На-